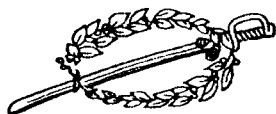

А. А. БРУСИЛОВ

МОИ
ВОСПОМИНАНИЯ

издание четвертое

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
СОЮЗА ССР

1946

А. А. БРУСИЛОВ. МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Автор — выдающийся русский полководец, с именем которого связаны важнейшие успехи русской армии во время войны с немцами в 1914—1918 годах. В своих воспоминаниях Брусилов дает интересный обзор событий, участником и творцом которых он был.

Художник В. Резников

Редактор Л. И. Соловейчик

Отпечатано с матриц под наблюдением майора **Ворожцова Г. А.**
Технический редактор **Дождев И. М.**
Корректор **Назарова О. М.**

Г 124113

Подписано к печати 8. 2. 46
Объем 16¹/₂ п. л. + 2 вкл.

Изд. № 940/Л.
Заказ № 2113.

Алексей Алексеевич БРУСИЛОВ
(1 сентября 1853 года — 17 марта 1926 года)

Предисловие

ВОСПОМИНАНИЯ выдающегося русского полководца эпохи первой мировой войны Алексея Алексеевича Брусилова принадлежат человеку, воспитавшемуся задолго до советской эры.

Брусилову пришлось пережить крупную ломку привычных идей и понятий, чтобы итти нога в ногу с обновлённой страной. В книге найдётся ряд мест, которые объясняются именно этими обстоятельствами. Нынешний советский читатель разберётся во всём этом и сумеет разглядеть главное. Это главное заключается в том, что на протяжении всей своей долгой жизни Брусилов оставался честным русским патриотом, глубоко любящим свою родину, свой народ, и именно поэтому к концу своей блестящей военной деятельности он стал советским гражданином, инспектором кавалерии Красной Армии.

Высоко поучительна и драматична эта правдивая история генерала царской армии, искреннего русского патриота. В 1917 году Брусилов сталкивается с сложной политической коллизией: чтобы итти вместе с Керенским, надо было предать и продать родину, а на это никогда Брусилов как честный и искренний патриот пойти не мог. Он был убран, империалистская буржуазия стала искать слуг, способных на чёрное дело измены народу. У Брусилова остался один путь, на который он вступил не сразу, а после мучительной ломки старых воззрений. Это был путь служения новой России, служения народу, сбросившему вековое рабство.

Особенно ценно и важно в «Моих воспоминаниях» то, что они являются живым человеческим документом, свидетельствующим о непосредственной преемственности, глубоко связывающей Красную Армию с вековой историей русской армии. Брусилов мучительно переживал развал армии в 1917 году, — это понятно, конечно. Он не видел в происходившем тогда хаосе фактов зарождения новой армии, которая уже в 1918 году покрыла новой славой русские зна-

мёна, героически сражаясь с полчищами германского империализма. Нужно было время, чтобы Брусилов осознал, что Красная Армия — современная русская армия, славная преемница доблести суворовских и брусиловских полков. Что сказал бы старый генерал, если бы ему довелось увидеть Красную Армию наших дней, могучую, вооружённую силу, оснащённую такой техникой по качеству и количеству, о какой в 1916 году не могли и мечтать!

Сжатое, но выразительное описание службы Брусилова в русской армии до начала первой мировой войны представляет большой интерес. Здесь становится ясным, как в процессе долгой службы в войсках и упорной работы над собой формировался будущий полководец. «Я читал военные журналы, — пишет Брусилов, — множество книг военных специалистов, русских и иностранных, и всю жизнь готовился к боевому делу, чувствуя, что могу и должен быть полезен русской армии не только в теории, но и на практике» (стр. 34—35).

Огромную ценность представляет та часть воспоминаний, которая посвящена годам первой мировой войны. Правда, Брусилов утверждает: «Не в моих намерениях подробно описывать боевые действия тех армий, которыми мне пришлось командовать во время этой войны». При всей краткости высказывания непосредственного руководителя операциями сначала 8-й армии, затем всего Юго-Западного фронта приобрели значение выдающегося исторического документа.

8-я армия, которой командовал Брусилов с начала войны, находилась на крайнем левом фланге всего русского фронта. По плану войны на неё была возложена весьма важная задача: действуя в составе армий Юго-Западного фронта, она должна была отрезать группу австро-венгерских войск в Галиции от р. Днестра; имелось в виду окружение и уничтожение этой группы войск. 8-я армия содействовала захвату Львова, выдержала упорные бои с австро-венграми на р. Верешица и приняла участие в преследовании отступающих армий противника, выйдя в октябре 1914 года в район Дуклы (Карпаты). Здесь она отбила яростные атаки австро-венгерских войск, стремившихся снять осаду с Перемышля, который был взят русскими 22 (9) марта. К этому периоду относится разработанный командованием Юго-Западного фронта план вторжения в Венгрию, в котором на 8-ю армию возлагалась виднейшая роль. План этот осуществлён не был, а в мае 1915 года, после прорыва у Горлицы, началось отступление русских армий из Галиции.

Для истории первой мировой войны весьма важно правильное освещение и оценка этого периода. С внешней стороны русское наступление не дало как будто стратегического результата и свелось к фронтальному оттеснению австро-венгерских армий. Брусилов пишет по этому поводу (стр. 115): «Мне казалось чрезвычайно странным, что мы без оглядки стремимся только вперёд... Опасность разброски сил при постоянно увеличивающихся наших коммуникационных линиях усугублялась ещё тем, что мы постепенно получали настоятельные предупреждения, что огнестрельных припасов осталось

мало, в особенности артиллерийских снарядов, и что нет оснований ожидать в скором будущем исправления этого ужасного положения».

В связи с этим Брусилов даёт резкую критику руководства операциями с русской стороны кампании 1914 года. Как он говорит в «Воспоминаниях», план войны, разработанный в мирное время, применён не был. «В чем же заключался наш новый план войны, представляло для меня полную тайну, которой не знал, повидимому, и главнокомандующий фронтом. Легко может статься, что и никакого нового плана войны создано не было, и действовали лишь случайными задачами, которые определялись обстановкой» (стр. 115). Следует признать, что критика Брусилова справедлива по существу, хотя в отдельных случаях он слишком проникается точкой зрения командующего армией, интересами которой он всё ещё болел и много лет спустя.

В первый период войны русские армии выполняли одновременно два стратегических плана, которые в плане войны были расчленены на два варианта: решительное наступление против Германии и против Австро-Венгрии. Брусилов даёт замечательную по глубине и лаконичности оценку этого важнейшего периода мировой войны: «С начала войны, — пишет он (стр. 65), — чтобы спасти Францию, Николай Николаевич совершенно правильно решил нарушить выработанный раньше план войны и быстро перейти в наступление, не ожидая окончания сосредоточения и развёртывания армий. Потом это ставилось ему в вину, но в действительности это было единственное верное решение». Русское главнокомандование руководствовалось требованиями общесоюзной стратегии, и потому пошло на недостаточно обеспеченные операции по расходящимся стратегическим направлениям.

Следует признать, что русское наступление в Восточную Пруссию, Ивангород — Варшавская операция, наконец, овладение Галицией, независимо от последовавших событий, выполняли основную стратегическую задачу: они приковывали к русскому фронту всё более крупные силы австро-германской коалиции, которой были нанесены тяжёлые поражения; этим была оказана решительная помощь союзникам.

События 1915 года Брусилов описывает ещё более кратко. Личные переживания в этой тяжёлой кампании наложили свой отпечаток на оценку действий командования других армий (кроме 8-й), командования Юго-Западным фронтом и Ставки. Мы теперь можем более спокойно и широко взглянуть на ход кампании 1915 года. Конечно, русская армия понесла тогда тяжёлые потери в людях и в территории. Тем не менее русскому командованию удалось отвести все свои армии на новый фронт, не дав ни одну из них окружить или отрезать.

Наибольшее внимание читателя, понятно, приковывает та часть «Моих воспоминаний», которая посвящена кампании 1916 года, знаменитому «Брусиловскому прорыву», под таким названием уже вошедшему в историю первой мировой войны. Необходимо помнить, что и

здесь события изложены Брусиловым чрезвычайно кратко. Места книги, в которых описывается совещание в Ставке 1 апреля 1916 года, замысел и подготовка наступления, осуществление прорыва, приобрели уже широкую известность. Остановимся на общей оценке наступления. Брусилов пишет (стр. 218): «Никаких стратегических результатов эта операция не дала, да и дать не могла, ибо решение военного совета 1 апреля ни в какой мере выполнено не было». Эту формулировку нельзя признать точной. Действительно, прорыв, произведённый на протяжении всего Юго-Западного фронта — около 200 километров и на глубину до 50 километров, не был использован для решительного разгрома австро-венгерской армии. Но стратегические результаты были. О них мы можем теперь судить гораздо шире и глубже, чем сам автор воспоминаний.

Понятно, что Брусилов, пережив горькое разочарование в связи с тем, что неограниченные возможности, которые открылись после прорыва, не были использованы, главное внимание своё обращает на то, что другие два фронта ничего не сделали и план Ставки 1 апреля, которым было предусмотрено наступление на этих фронтах, не был осуществлен. Но, как сам же Брусилов отмечает, успеха на других фронтах ожидать было нельзя. В чём действительно Ставка была виновата — это в недостаточно быстрой и в скупой посылке резервов для развития прорыва. Мало того, теперь ясно, что развитие прорыва в северо-западном направлении — на Ковель, т. е. против германских армий, вообще было стратегически бесплодно, так как именно сюда немецкое командование бросало свои резервы. Куда же наиболее целесообразно было направить главный удар для развития успеха брусиловского наступления? Чтобы ответить на этот вопрос, познакомимся с тем, о чем свидетельствуют данные истории в отношении результатов наступления.

Уже после смерти Брусилова вышел десятый том немецкой официальной истории мировой войны, изданный германским военным министерством. В этом томе последствия брусиловского наступления вырисовываются в масштабах, о которых знаменитый организатор этого наступления, видимо, и не подозревал. Стратегическая ситуация австро-германского блока, которая сложилась в августе 1916 года и привела к отрешению Фалькенгайна от поста начальника генштаба (фактически руководителя операций сухопутных армий Германии), была очень серьёзной. Это выражалось в следующем: во-первых, брусиловское наступление привело к краху наступательных планов — и германского (Верден) и австро-венгерского (наступление на Италию); во-вторых, Германия оказалась вовлечённой одновременно в три тяжёлых сражения (Верден, Сомма, брусиловское наступление); в-третьих, Австро-Венгрия находилась перед лицом полного разгрома; в-четвёртых, против Румынии, вступившей в войну на стороне союзников в результате брусиловского наступления, австро-германцы не могли первоначально выставить ни одной полностью боееспособной дивизии.

12 августа 1916 года генерал-фельдмаршал Гинденбург, которому в начале этого месяца было передано командование всем Восточным фронтом (включая и австро-венгерские армии), телеграфировал кай-

зеру: «Находящихся в моём распоряжении войск на юго-востоке недостаточно, чтоб удержать положение, не говоря уже о том, чтобы его восстановить. Решение исхода войны лежит теперь на юго-востоке».

Немецкий официальный труд в следующих выражениях описывает воздействие Брусиловского прорыва:

«Тогда сверкнула внезапно молния на отдалённом третьем участке (первые два — Верден и Сомма, где ожидалось наступление англичан. — *М. Г.*). То, что, по образу мыслей генерала Фалькенгайна, считалось почти невозможным, свершилось с неожиданностью и очевидностью опустошительного явления природы. Русское войско явило столь разительное доказательство живущей в нём наступательной мощи, что внезапно и непосредственно все тяжёлые, казалось бы, давно уже преодоленные опасности войны на нескольких фронтах всплыли во всей их прежней силе и остроте» («Мировая война», т. X, стр. 674).

«Брусиловское наступление, — говорится там же, — оказалось самым тяжёлым потрясением, которое выпадало до того на долю австро-венгерского войска. Скованное почти на всем своем фронте русскими наступлениями, оно очутилось теперь лицом к лицу с новым противником — Румынией, — который, казалось, был готов, наступая через Семиградье и дальше в сердце Венгрии, нанести империи Габсбургов смертельный удар» (стр. 567).

Что же следовало сделать для использования столь благоприятной для союзников стратегической обстановки? Надо было довершить успехи брусиловского наступления на *южном* фланге. Для этого требовались объединённые активные операции союзников — на русском и румынском, а также и на балканском и итальянском фронтах. Общее решительное наступление на Австро-Венгрию, несомненно, уже в 1916 году привело бы к её полному краху. В условиях прошлой войны этот крах повлёк бы за собой и быстрое поражение Германии, резервы которой были истощены борьбой на Западном и Восточном фронтах, а экономическое положение было до крайности тяжёлым.

Но этого объединённого наступления на Австро-Венгрию не получилось. В «Моих воспоминаниях» описано, что произошло на румынском фронте. На Балканах наступление союзников опоздало и кончилось неудачей. Германия воспользовалась бездейтельностью своих противников и, взяв инициативу в свои руки, вывела Румынию из строя. Русский фронт удлинился до Чёрного моря. Блестящие возможности не были использованы во-время, и это привело к затяжке войны ещё на два года.

Всё это надо иметь в виду при чтении «Воспоминаний». Нам станет ясным тогда, что организатор и руководитель крупнейшего наступления позиционного периода прошлой войны слишком скромно в его оценке. Брусиловское наступление приобрело мировую известность не случайно. Даже с учетом того, что его результаты не были использованы, как должно, в 1916 году, оно оказало огромное воздействие на ход и исход первой мировой войны. Историческое ис-

следование с несомненностью доказало, что именно в 1916 году были подорваны в корне мощь и моральная устойчивость не только австро-венгерского, но и германского войска. Без этого условия невозможна была бы победа союзников в 1918 году. Если бы эти выводы, являющиеся теперь прочным достоянием военно-исторической науки, стали известны Брусилову, он сошёл бы в могилу с уверенностью, что его ратные труды и подвиги руководимых им войск не пропали даром.

★

Брусилов — крупнейший полководец первой мировой войны. Его операции требуют самого тщательного и глубокого изучения. К сожалению, это изучение у нас не подвинулось вперёд. До сих пор нет научных обстоятельных трудов, посвящённых Брусилову и его операциям. А между тем такие исследования имеют далеко не только исторический интерес. Взгляды Брусилова на ведение операций, его методы и приёмы имеют ценность и для наших дней, несмотря на коренные изменения в характере боевых действий и операций.

Брусилов, несомненно, является продолжателем традиций русского военного искусства, проникнутого суворовским духом манёвра. Этому не противоречит и то, что в своих воспоминаниях он уделяет столько места вопросам позиционной войны, в условиях которой ему довелось руководить войсками. Какую цену могут иметь самые лучшие замыслы оперативного манёвра, если полководец не учитывает конкретных особенностей войны? Замечательный успех брусиловского наступления в 1916 году объясняется именно глубоким пониманием особенностей того этапа войны.

С огромным интересом читаются страницы, где Брусилов говорит о зарождении позиционных форм ещё в войне 1905—1906 годов. Его едкая критика германского генштаба, изучавшего эту войну и все-таки построившего свой план на том, что немецкие войска «быстрыми и могучими ударами» сокрушат сначала один, а затем и другой вражеский фронт, выразительно звучит и для наших дней. Брусилов последовательно описывает, как постепенно на русском фронте война из маневренной превращалась в позиционную, как обростал фронт укреплениями, каков был характер их. С присущей ему трезвостью мысли Брусилов воспринял позиционную войну как факт, изучил её особенности и создал стройную и законченную теорию прорыва как средства перехода к маневренным действиям. Для эпохи первой мировой войны невозможно указать другого полководца, который так ясно и последовательно мыслил бы по этому важнейшему вопросу тактики и оперативного искусства того периода.

Брусилов отверг обычный тогда метод прорыва на одном участке, так как при этом невозможно достичь внезапности и предупредить подвоз противником резервов к пункту атаки. Брусилов выдвинул метод одновременного прорыва на нескольких участках фронта с целью расщепления внимания и сил противника. Подготовка и осуществление Брусиловского прорыва неоднократно описаны в нашей литературе, но лучшим описанием остаётся все же то, которое принадлежит самому Брусилову.

Сохраняют ли его взгляды на прорыв и приёмы осуществления свою силу и в наше время? Нам кажется, что сам Брусилов возражал бы против такой постановки вопроса, ибо он учил конкретной оценке особенностей всякой войны и её этапов. Современная война имеет коренные отличия по сравнению с брусиловской эпохой. Не говоря о танках и авиации, дающих возможность нового разрешения проблемы развития тактического успеха при прорыве в оперативный, даже артиллерия, на которой базировался Брусиловский прорыв, шагнула теперь далеко вперёд. Но Брусиловский прорыв является предтечей замечательных прорывов, осуществлённых Красной Армией в Великой Отечественной войне. Красная Армия поднялась на высшую ступень мастерства в искусстве прорыва, которым отличились брусиловские войска в 1916 г.

В кампаниях 1942 и 1943 гг. брусиловская идея взлома фронта рядом ударов далеко превзойдена. В прорывах Красной Армии, осуществлённых по гениальному сталинскому замыслу, есть новая и совершенно оригинальная черта: тактический прорыв сочетается здесь с глубокой стратегической идеей — выход на коммуникации противника, непрерывное нарастание угроз его тылам, окружение и уничтожение вражеских группировок. Операции Красной Армии составили ряд последовательных прорывов, каждый из которых углублял и развивал действие предыдущего, что привело немецкое командование к разброске резервов и сковыванию их. В результате фронт был взломан на гигантском протяжении в 2.000 километров с продвижением на большую глубину.

Сталинское учение о прорыве и взломе укрепленного фронта образует совершенно новый и ценнейший раздел современной военной науки. Отличная советская военная техника, глубоко продуманная тактика, высокое оперативное мастерство — все это дало возможность поднять искусство прорыва сильно укрепленной обороны противника на такую ступень, о которой невозможно было и мечтать в эпоху, когда воевал Брусилов.

Но самым главным отличием от той эпохи, несомненно, является стратегическое руководство Верховного Главнокомандования. Какая пропасть лежит между ослабленной царской Россией и нынешним могущественным Советским государством. Сталинский гений, под руководством которого была создана мощь социалистической державы, направлял операции Красной Армии по единому стратегическому плану. И в этом именно заключается ключ к тому, что прорывы и взлом фронта, осуществленные Красной Армией, привели к решительному результату — разгрому германской армии.

В зимней кампании 1943/44 года, после овладения Киевом, главный удар был нанесен в направлении Луцк-Ровно — памятные места брусиловских боев, — что привело к расчленению немецкого фронта и к освобождению Украины. Летом 1944 года был разгромлен центр германского фронта, что привело к сокрушению и северной группы немецких армий. В августе 1944 года Верховное Главнокомандование Красной Армии предприняло величайший в истории стратегический маневр: Бухарест—Белград—Будапешт—Вена. И невольно вспоминается 1916 год: то, что было тогда не по силам всей антигерманской

коалиции, осуществлено в 1944—1945 гг. одной лишь Красной Армией и притом несравнимо в более грандиозных масштабах. В 1945 году прорыв на Висле развернулся в гигантский маневр расчленения немецкого фронта в центре и окружения вражеских группировок в Восточной Пруссии и Верхней Силезии. Берлинская операция увенчала исторические победы Красной Армии.

Нет сомнения, что этот крупнейший прогресс русского военного искусства в дни Великой Отечественной войны наполнил бы горячей радостью сердце того, кто в тяжёлые годы прошлой войны сумел с достоинством держать честь и славу русской армии и вписать немеркнущие страницы в историю её боевых деяний.

Генерал-майор М. ГАЛАКТИОНОВ

О т а в т о р а

Я НИКОГДА не вёл дневника и сохранил лишь кое-какие записки, массу телеграмм и отметки на картах с обозначением положения своих и неприятельских войск в каждой операции, которую совершал. Великие события, участием которых я был, легли неизгладимыми чертами в моей памяти. Я не имею намерения писать связанных между собой подробных исторических воспоминаний о мировой войне, и тем более не в моих намерениях подробно описывать боевые действия тех армий, которыми мне пришлось командовать во время этой войны. Цель моих воспоминаний—более скромная. Она состоит в том, чтобы описать мои личные впечатления и переживания в тех великих событиях, в которых я был или действующим лицом или свидетелем.

Думаю, что эти страницы будут полезны для будущей истории, они помогут многое правильно осветить, охарактеризовать только что пережитую эпоху, нравы и психологию ныне уже исчезнувшей, а в то время жившей во-всю русской армии и многих её вождей. Надеюсь, читатель не посетует, что на этих страницах он не найдёт ничего стройного, цельного, а лишь прочтёт то, что меня наиболее мучило или радовало, то, что захватывало меня полностью, да ещё несколько картинок, почему-либо ярко сохранившихся в моей памяти.

А. Г. Яковлев

1993₂

Часть первая

ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С ДЕТСКИХ ЛЕТ ДО ВОЙНЫ 1877—1878 гг.

РОДИЛСЯ в 1853 году 19 августа старого стиля (1 сентября нов. ст.) в г. Тифлисе. Мой отец был генерал-лейтенант и состоял в последнее время председателем полевого аудиториата Кавказской армии. Он происходил из дворян Орловской губернии.

Когда я родился, ему было 66 лет, матери же моей всего лет 27—28. Я был старшим из их детей. После меня родился мой брат Борис, вслед за ним Александр, который вскоре умер, и последним брат Лев. Отец мой умер в 1859 году от крупозного воспаления лёгких. Мне в то время было 6 лет, Борису 4 года и Льву 2 года. Вслед за отцом через несколько месяцев умерла от чахотки и мать, и нас, всех трёх братьев, взяла на воспитание наша тётка, Генриэта Антоновна Гагемейстер, у которой не было детей. Её муж, Карл Максимович, очень нас любил, и они оба заменили нам отца и мать в полном смысле этого слова.

Дядя и тётка не жалели средств, чтобы нас воспитывать. Вначале их главное внимание было обращено на обучение нас различным иностранным языкам. У нас были сначала гувернантки, а потом, когда мы подросли, гувернёры.

Последний из них, некто Бекман, имел громадное влияние на нас. Это был человек с хорошим образованием, кончивший университет; Бекман отлично знал французский, немецкий и английский языки и был великолепным пианистом. К сожалению, мы все трое не обнаруживали способностей к музыке и его музыкальными уроками воспользовались мало. Но французский язык был нам как родной; немецким языком я владел также достаточно твёрдо, английский же язык вскоре, с молодых лет, забыл вследствие отсутствия практики.

Моя тётка сама была также выдающаяся музыкантша и славилась в то время своей игрой на рояле. Все приезжие артисты обязательно приглашались к нам, и у нас часто бывали музыкальные вечера. Да и вообще общество того времени на Кавказе отличалось множеством интересных людей, впоследствии прославившихся и в литературе, и в живописи, и в музыке. И все они бывали у нас. Но самым ярким впечатлением моей юности были, несомненно, рассказы о героях Кавказской войны. Многие из них в то время ещё жили и бывали у моих родных. В довершение всего роскошная южная природа, горы, полутропический климат скрапивали наше детство и давали много неизгладимых впечатлений.

До 14 лет я жил в Кутаисе, а затем дядя отвёз меня в Петербург и определил в Пажеский корпус, куда ещё мой отец зачислил меня кандидатом. Поступил я по экзамену в 4-й класс и быстро вошёл в жизнь корпуса. В отпуск я ходил к двоюродному брату моего названного дяди, графу Юлию Ивановичу Стембоку. Он занимал большое по тому времени место — директора департамента уделов. Видел я там по воскресным дням разных видных беллетристов: Григоровича, Достоевского и многих других корифеев литературы и науки, которые не могли не запечатлеться в моей душе. Учился я странно: те науки, которые мне нравились, я усваивал очень быстро и хорошо, некоторые же, которые были мне чужды, я изучал неохотно и только-только подучивал, чтобы перейти в следующий класс: самолюбие не позволяло застрять на второй год. И когда в 5-м классе я экзамена не выдержал и должен был остаться на второй год, я предпочёл взять годовой отпуск и уехать на Кавказ к дяде и тётке.

Вернувшись в корпус через год, я, минуя шестой класс, выдержал экзамен прямо в специальный, и мне удалось быть в него принятым. В специальных классах было гораздо интереснее. Преподавались военные науки, к кото-

рым я имел большую склонность. Пажи специальных классов, помимо воскресенья, отпускались два раза в неделю в отпуск. Они считались уже на действительной службе. Наконец, в специальных классах пажи носили кепи с султанами и холодное оружие, чем мы, мальчишки, несколько гордились. В летнее время пажи специальных классов направлялись в лагерь в Красное Село, где мы в составе учебного батальона участвовали в манёврах и различных военных упражнениях. Те же пажи, которые выходили в кавалерию, прикомандировывались на летнее время к Николаевскому кавалерийскому училищу, чтобы подготовиться к езде. Зимой пажи, выходившие в кавалерию, ездили в придворный манеж, где на свитских лошадях, под управлением одного из царских берейторов, мы изучали искусство езды и управления лошадью. В то время при Пажеском корпусе ещё не было ни своего манежа, ни лошадей.

В 1872 году войска Красносельского лагеря закончили свое полевое обучение очень рано — 17¹ июля, тогда как обыкновенно лагерь кончался в августе месяце. В этот знаменательный для нас день всех выпускных пажей и юнкеров собрали в одну деревню, лежавшую между Красным и Царским Селом (названия её не помню), и император Александр II поздравил нас с производством в офицеры. Я вышел в 15-й драгунский Тверской полк, стоявший в то время в урочище Царские Колодцы в Закавказском крае. Пажи имели в то время право выбирать полк, в котором хотели служить, и мой выбор пал на Тверской полк вследствие того, что дядя и тётка рекомендовали мне именно этот полк, как ближе всего стоявший от места их жительства. В гвардию я не посягал выходить вследствие недостатка средств.

Вернувшись опять на Кавказ, уже молодым офицером, я был в упоении от своего звания и сообразно с этим делал много глупостей, вроде того, что сел играть в стуколку с незнакомыми людьми, не имея решительно никакого понятия об этой игре, и проигрался вдребезги, до последней копейки. Хорошо, что это было уже недалеко от родного дома, и мне удалось занять денег благодаря престижу моего дяди. Я благополучно доехал до Кутаиса. Через некоторое время, направляясь в полк и проезжая через

¹ Календарный стиль в тексте книги — везде старый. В примечаниях — новый. (Ред.)